

DOI: 10.31857/S013038640016584-0

© 2022 г. **М.В. ОСЬКИН**

РУМЫНСКАЯ МИССИЯ ГЕНЕРАЛА БЕРТЕЛО (1916–1917 годы): СОТРУДНИЧЕСТВО И РАЗНОГЛАСИЯ С РУССКИМ КОМАНДОВАНИЕМ РУМЫНСКОГО ФРОНТА

Оськин Максим Викторович — доктор исторических наук, Международная полицейская академия ВПА (Тула, Россия).

E-mail: maxozv@yandex.ru

Scopus Author ID: 42762049900; ORCID: 0000-0003-1112-8715

Аннотация. Вступление Румынского королевства в Первую мировую войну в 1916 г. предполагало оказание ей помощи со стороны союзников по Антанте. Русские войска воевали совместно с румынами на Восточном фронте, западные союзники помогали оружием, финансами и опытными офицерами. Военное сотрудничество на различных европейских театрах войны являлось достаточно сложной задачей, а его организация актуализирует проблемы взаимодействия союзников по оружию для достижения общей цели. Французская миссия генерала Бертело оказала румынской армии самую разнообразную поддержку — руководство боевыми действиями осенью 1916 г., реорганизация разгромленной румынской армии, выполнение роли военных советников в кампании 1917 г. В этом отношении французы соперничали с русскими за влияние на высшее румынское руководство — прежде всего военное командование. Создание Румынского фронта, состоявшего в основном из русских войск, позволило русской Ставке отстранить французов от непосредственного влияния на ход военных действий. Деятельность французской миссии ограничивалась приведением в порядок отведенных в тыл румынских подразделений. Однако в 1917 г. французы вновь заняли лидирующее положение в воздействии на румынский генералитет. Переломным моментом в этом сотрудничестве-соперничестве стала Февральская революция, окончательно закрепившая ведущую роль миссии Бертело в делах румынской армии на Румынском фронте. Деятельность французской миссии помогла реорганизовать румынскую армию, сыгравшую решающую роль на заключительном этапе Первой мировой войны, позволив Румынскому королевству остаться в числе победителей, невзирая на перипетии 1918 г., связанные с выходом России из войны. Основными источниками статьи послужили документы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), относящиеся прежде всего к компетенции центральных органов военной власти и управления в военный период — Ставки Верховного командования и Главного управления Генерального штаба.

Ключевые слова: Первая мировая война, Великая война, Россия, Франция, Румыния, Антанта, военные миссии, военная история.

M.V. Oskin

The Romanian Mission of General Berthelot (1916–1917): Cooperation and Disagreements with the Russian Command of the Romanian Front

Maksim Oskin, WPA International Police Academy (Tula, Russia).

E-mail: maxozv@yandex.ru

Scopus Author ID: 42762049900; ORCID: 0000-0003-1112-8715

Abstract. When the Kingdom of Romania entered the Great War in 1916, it was supposed to receive aid from the Entente allies. While the Russian troops fought alongside the Romanians on the Eastern Front, the Western allies assisted them with arms, financial resources, and experienced officers. Military cooperation in the various European theatres of war was a rather complex task, and its arrangement actualised the issues of cooperation between the allies in arms in pursuit of a common goal. The French Mission of General Berthelot assisted the Romanian army in a number of ways, including leading the fighting in the autumn of 1916, reorganising the defeated Romanian army, and acting as military advisers in the 1917 campaign. In that respect, the French were competing with the Russians for influence over the Romanian top leadership, especially the military command. The formation of the Romanian front, consisting mainly of Russian troops, allowed the Russian Stavka to sideline the French from directly influencing the course of military operations. The work of the French mission was limited to bringing the Romanian units withdrawn to the rear back into order. However, in 1917, the French resumed their leading role in influencing the Romanian generals. The February Revolution marked a turning point in relations between the rival partners, finally consolidating the leading role of the Berthelot Mission in the affairs of the Romanian Army on the Romanian front. The French Mission helped reorganise the Romanian Army, which played a decisive role in the final stage of the Great War. This allowed the Kingdom of Romania to remain among the victorious nations, despite the vicissitudes of 1918 following the withdrawal of Russia from the war. The main sources for this article are documents from the Russian State Military Historical Archive (RGVIA) relating primarily to the competence of the central military authorities and administration during the war period, namely the Supreme Command Headquarters and the General Staff Headquarters.

Keywords: World War I, Great War, Russia, France, Romania, Entente, military missions, military history.

Кампания 1916 г. должна была стать переломом в ходе Первой мировой войны, окончательно склонив чашу весов на сторону Антанты. Коалиция Централных держав, одержавшая важные победы в 1915 г., оборонялась на всех фронтах; союзники по Антанте впервые с начала войны сумели более-менее согласовать одновременные удары по противнику на Французском и Русском фронтах. Однако упорство немцев и их союзников в обороне повлекло за собой чрезмерные потери союзных армий; австро-германская коалиция сумела организовать успешное наступление на Балканах, достаточно быстро разгромив выступившее на стороне Антанты Румынское королевство и оккупировав две трети его территории. Непосредственная помощь румынской армии войсками и снабжением оказывалась Российской империей, в то время как военное планирование было под контролем специальной французской миссии генерала Анри-Матиаса Бертело. Это противоречие во многом усугубило положение Румынского королевства в злополучной для него кампании 1916 г.

Военные события 1916 г. для Румынии сложились крайне неудачно, так как неопытные румынские войска были плохо подготовлены к современной войне, а русские с критическим запозданием реагировали на ход событий на румынском театре военных действий. Безуспешная ввиду объективных и субъективных причин румынская кампания ухудшила отношения между союзными армиями. Например, в письме русского военнослужащего из Румынии от 29 ноября 1916 г. отмечалось: «Тотчас после перехода через границу мы поняли, что находимся в полудружеской и полусоюзнической стране... всюду по дороге мы натыкались на нерадение и нерасположение со стороны румынских властей. Нехотя отводили квартиры, отказывали в передвижении по железным дорогам. Не давали из интендантства в достаточном количестве провианта и фуража»¹.

С точки зрения русских, румынские войска и их участие в военных операциях не оправдали ожиданий. В то же время румыны винили Россию в том, что она втянула их страну в войну и подставила под разгром. Корреспондент российского телеграфного агентства В. Янчевецкий (будущий писатель В. Ян) писал: «Отношение румынских солдат

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. Оп. 265. Д. 1063. Л. 393.

к русским, а также и офицеров, недружелюбное. Они не могут понять наших солдат, которые негодуют на румын за то, что, отдавая за них жизнь, стрелки не встречают со стороны румын помощи, преданности и благодарности»².

Однако Россия в 1916 г. не втягивала Румынию в войну, а напротив, старалась не допустить этого. Но когда выступление все-таки состоялось, русская Ставка медлила с поддержкой слабой румынской армии мощной группировкой, которая нивелировала бы слабые стороны румын. Румыния, со своей стороны, не желала тесного сотрудничества, стараясь решить свои собственные локальные цели в войне и видела в России конкурента в балканском регионе. Такая позиция, наряду с необоснованной уверенностью в своих вооруженных силах, и стала причиной военных поражений, ибо неопытная румынская армия не могла на равных сразаться с австро-германскими войсками.

На протяжении последних десятилетий перед Первой мировой войной отношения между Россией и Румынией складывались непросто, порождая взаимное недоверие и неприязнь. Наибольшей популярностью и влиянием в Румынии пользовалась Франция. Русский разведчик еще 17 мая 1915 г. сообщал, что мы «базируемся главным образом на наш союз с Францией, которая пользуется здесь симпатиями, а теперь после выступления Италии у нас есть еще одна заручка. Нас же собственно боятся и нам не доверяют»³. Следовательно, очень многое зависело от Франции и стоящей за ее спиной Великобритании, которые имели рычаги для давления как на Румынию, так и на Россию.

Лавируя между противоборствующими коалициями, румынское руководство во главе с премьер-министром И. Брэтиану выбирало, наверное, наиболее удобный и – главное – удачный момент для вступления Румынии в Первую мировую войну. Румыны прекрасно сознавали, что воевать без поддержки союзников они долго не смогут, а потому премьер стремился максимально снизить риски, требуя от западных союзников поставок вооружения, а от России – непосредственной помощи войсками. Близок к истине был русский военный агент полковник Б.А. Семенов, докладывавший 9 мая 1916 г., что «правительство Брэтиану, по-видимому, намерено напрячь все мобилизационные силы страны, либо не считаясь, либо надеясь в критический момент активного ее выступления получить необходимые боевые запасы извне, – это правительство не предполагает вести кампанию более 3–4 месяцев, а следовательно, и намерено выступить лишь в самый последний период настоящей войны, или же остаться до конца ее нейтральным»⁴. Как видим, румынское руководство прекрасно понимало, что страна может вести войну собственными усилиями и средствами не более полугода.

Последним доводом для определения выбора стал успех Луцкого (Брусиловского) прорыва 1916 г. Именно тогда переговоры союзников с румынами перешли в решающую фазу – как говорит первый командующий русской группировкой в Румынии А.М. Зайончковский – «о сроке выступления Румынии было определено известно с середины июля»⁵. Исход войны висел на волоске: западные союзники вплоть до 1918 г. ни разу не создали оперативную ситуацию возможной победы. Русским это удалось: армии Юго-Западного фронта А.А. Брусилова рванулись к Ковелю и Черновцам, а севернее Полесья готовились к гигантскому наступлению армии русских Северного и Западного фронтов. Весной переговоры о присоединении Румынии к Антанте вышли в свою финальную стадию, «французы придавали скорейшему вступлению в войну Румынии настолько большое значение, что позже, в августе 1916 г., французское командование напрямую

² Там же. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 213. Л. 23.

³ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 520. Л. 94.

⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3058. Л. 24.

⁵ Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб., 2002. С. 596.

связывало с началом румынского наступления возобновление наступательных операций англо-французских сил на Западном фронте»⁶.

Невзирая на первенство французов в деле втягивания Румынии в войну, обойтись без русских союзники не могли. Во-первых, в той или иной степени, но только русские войска могли бы действовать совместно с румынскими армиями. Если же помнить, что И. Брэтиану пытался перевалить львиную долю военных тягот на плечи союзников, то значение Российской империи возрастает еще более. Непосредственная военная поддержка существенной воинской группировкой, поставки вооружений, боеприпасов, военного имущества и оборудования, прикрытие румыно-болгарской границы – лишь русские могли выполнить в смысле военного сотрудничества то, что требовала румынская сторона от Антанты.

Во-вторых, снабжать румын техникой, боеприпасами, прочими предметами, необходимыми для ведения войны, западные союзники могли исключительно через Россию. На практике это означало, что русским предстояло делиться с румынами и без того невеликим объемом союзных поставок. Ведь даже если бы союзники завалили румын военным снаряжением, все упиралось в проблему перевозки по российской территории. Такое положение вещей не устраивало российскую сторону, но обойтись без данной уступки в случае выступления Румынии также не представлялось возможным.

Наконец, вступление Румынии в войну неизбежно повлекло бы за собой удары неприятеля с моря. Противостоять противнику военно-морской флот Румынии не мог. То есть на русский Черноморский флот возлагалась еще и обязанность содействия союзнику. Разумеется, французский главнокомандующий Ж. Жоффри отлично понимал, что вся тяжесть взаимодействия с румынами ляжет на плечи русского союзника. Тем настойчивей французы подталкивали Румынию к войне: все равно все издержки и итоговая ответственность в силу географии возлагались на Россию: спасение Румынии от военного разгрома – это было то «бремя, которое русские военные не могли позволить себе нести», послужив вдобавок «катализатором правительственного кризиса, закончившегося падением царского режима»⁷.

Союзная конвенция 4 августа, юридически закрепившая взаимные обязанности между союзниками в Румынии, помимо отправки за Дунай русского 50-тысячного корпуса, предусматривала наступление союзников от Салоник силами Салоникской армии М. Саррайля за неделю до начала наступления румын в Трансильванию. Однако после вступления Румынии в войну 14 августа 1916 г.⁸ Салоникская армия не оказала королевству поддержки. Русские скептически оценивали возможности салоникской группировки. Телеграмма русского военного агента при сербском командовании В.А. Артамонова из Салоник о назначении французских инструкторов в румынскую армию подчеркивала, что «французы имеют крайне недостаточные понятия о маневренном бое, особенно в важнейшей основе этого боя: тесной связи пехоты с артиллерией». Ссылаясь на слова самого генерала Саррайля, Артамонов утверждал, что французские войска «отвыкли от активности и неспособны проводить наступательные бои»⁹. Примечательно, что и опытный румынский премьер не был уверен в наступлении салоникской группировки. Так, 2 сентября новый русский агент в Румынии А.А. Татаринев телеграфировал в русскую Ставку Верховного командования: «Выступление Болгарии особенно пугает Брэтиану, так как в глубине души он особенно

⁶ Павлов А.Ю. Скованные одной целью: Стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны (1914–1917). СПб., 2008. С. 118.

⁷ Torrey G.E. Indifference and Mistrust: Russian-Romanian Collaboration in the Campaign of 1916 // The Journal of Military History. 1993. Vol. 57. № 2. P. 280.

⁸ Здесь и далее даты приводятся по старому стилю.

⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1149. Л. 70.

и ранее не верил и теперь не верит в возможность развития сильного наступления со стороны Салоник, и теперь считает себя обманутым французами, англичанами и итальянцами»¹⁰.

Следовательно, единственной военной поддержкой румынам служили русские войска — первоначально действовавший в Добрудже 47-й армейский корпус А.М. Зайончковского¹¹; с середины осени — развернутая на основе корпуса Дунайская армия В.В. Сахарова, а к концу года — три русские армии (4-я, 6-я и 9-я), составившие Румынский фронт. В то же время румыны, плечом к плечу сражавшиеся с русскими, слушались французов — уже после вступления в войну румыны руководствовались оперативными планами, которые предлагала прибывшая в сентябре французская миссия в Румынии во главе с А.-М. Бертело — начальником штаба Жоффра, а затем участником обороны Вердена. Зайончковский 7 октября сообщает Алексееву, что «генерал Бертело забрал всю власть в руки, завтра совсем переезжает в ставку. Привез около полусотни офицеров, половина которых разослана в войска, а другая работает в штабе. Румыны говорят об этом подчинении с восторгом»¹².

Бертело, в свою очередь, исходил из планов французского верховного командования, всемерно растягивая фронт, что обрекало бедные техникой румынские войска на неизменное поражение. Зато противник был вынужден ослабить натиск на Западном фронте, прикрывая постоянно подбрасываемыми в Румынию резервами свою линию обороны. В отличие от русских, непосредственно взаимодействующих с румынами (47-й корпус вместе с 3-й румынской армией в Добрудже, 9-я русская армия вместе с 1-й румынской армией в Южных Карпатах), французы работали советниками при высших румынских штабах, постепенно подчинив себе даже Генеральный штаб (штаб короля Фердинанда I), возглавляемый Д. Илиеску. Вступив в войну с более чем 600-тысячной армией, к 1 октября румыны имели в строю всего 309 тыс. штыков и 116 эскадронов конницы: 1-я армия — 86 тыс., 2-я — 111 тыс., 3-я — 49 тыс., Добруджанская — 86 тыс. чел.¹³ Следовательно, за 1,5 месяца военных действий румынская армия оказалась выбита почти наполовину. В связи с тем, что Салоникская армия М. Саррайля не выполнила данных румынам обещаний, такая помощь всецело легла на плечи Российской империи.

Потерпев поражение в Трансильвании, после преодоления противником перевалов в Трансильванских Альпах, русско-румынское командование осознало, что наиболее привлекательной целью для противника станет Бухарест. Согласно германскому оперативному плану в районе румынской столицы должна была быть проведена операция на окружение главных сил румынских войск — 9-й германской армией из Трансильвании с запада и Дунайской армией с юга. Оттеснив русских в Добрудже в узкий треугольник устья Дуная¹⁴, запретив их системой укреплений и таким образом обезопасив себя от русской помощи румынам, главнокомандующий войсками Центральных держав на Балканах фельдмаршал А. фон Макензен перегруппировал свои войска и, прикрывшись сильными арьергардами, 3 ноября переправился через Дунай у Систово — Зимницы.

К этому моменту румынские армии, победоносно наступавшие в Трансильвании, были выбиты с гор. Телеграмма представителя русского командования при румынской Главной квартире М.А. Беляева в Ставку от 4 ноября утверждала: «Развитие последних боевых действий на Румынском фронте окончательно убедило меня, что трудно ожидать какого-либо реального успеха румынской армии, и изменение положения на Трансильванском

¹⁰ Там же. Д. 418. Л. 60–61.

¹¹ Подробнее см.: *Каширин В.Б.* Поход в Добруджанскую степь: эволюция замысла, планирование и подготовка экспедиции русских войск за Дунай в 1916 году // *Studia Balkanica*. К юбилею Р.П. Гришиной: сб. статей. М., 2010. С. 139–185.

¹² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 419. Л. 67.

¹³ Там же. Л. 1а.

¹⁴ См. *Козлов Д.Ю.* Флот в румынской кампании 1916–1917 годов. СПб., 2003. С. 80–82.

фронте находится исключительно в зависимости от действий наших войск». Немалое значение в поражениях играли советы представителей французской миссии: «Они чрезвычайно много говорят, но ничего существенного не делают, и я опасаясь, чтобы это не обошлось дорого румынам, которые сильно им верят и не замечают истинного положения»¹⁵.

Бросок немцев через Дунай в мгновение ока изменил всю оперативную обстановку в Румынии. Чтобы не попасть в окружение, 1-я румынская армия должна была начать отступление в Трансильвании, поскольку неприятельская переправа создавала фланговую угрозу. Тем самым наступавшая в Альпах 9-я германская армия Э. фон Фалькенгайна получила возможность беспрепятственно преодолеть горы и выйти на равнинную местность. Опасаясь нового поражения, 13 ноября румынское правительство переехало в Яссы. За день до этого экс-командующий Особой армией В.И. Гурко, замещавший в Ставке заболевшего М.В. Алексева, приказал главнокомандующему армиями Юго-Западного фронта А.А. Брусилову, которому подчинялись действовавшие в Румынии русские войска, «всю свободную конницу из армий вверенного Вам фронта немедленно походным порядком направить в Румынию». Цель – прикрыть провал между 9-й армией и Дунайской армией до подхода пехотных корпусов¹⁶. Командующий Дунайской армией В.В. Сахаров тоже получил приказ направить к Бухаресту все те войска, которые будет возможно снять с фронта в Добрудже. Гурко подытоживал: «Тяжелое положение румын заставляет нас, в силу нравственных обязательств союзников, помочь им. Потеря Бухареста произведет колоссальное моральное впечатление... Государь император повелел отправить немедленно на помощь румынам из Дунайской армии с возможной скоростью все, что только вы можете, перейдя на это время к обороне»¹⁷.

В десятых числах ноября австро-германские войска с двух сторон устремились на Бухарест. Общее командование принял фельдмаршал Макензен; окружение главной румынской группировки, отступавшей из Трансильвании, предполагалось западнее Бухареста. Немцы верно посчитали, что свою столицу румыны без боя не сдадут, хотя бы уже потому, что ее эвакуация не проводилась. Значит, к ней будут отходить 1-я и 2-я румынские армии, а также те заслоны, что стояли перед германской Дунайской армией. Позволив румынам стянуть все войска к столице, противник предполагал прихлопнуть их одним ударом. Румынские армии, разбитые в Трансильвании, уже не могли оказать должного сопротивления и беспорядочно откатывались на восток. Если 1 ноября фронт еще удерживался на крайней западной границе: линии Тыргу-Жиулуй – Новая Орсова (лишь небольшой кусочек собственно румынской территории был сдан врагу), то к 12-му числу была сдана Крайова и весь прилегающий район западной Румынии. К 16 ноября, когда австро-болгаро-германские войска приступили к проведению решающей операции под Бухарестом, румыны еще держались на фронте Кимполунг – Питешти – Ольтеница, но через два дня они откатились за Тырговишти.

Было понятно, что неприятель намеревается уничтожить в сражении за столицу всю румынскую армию. И русская Ставка в категорическом тоне потребовала от румынского командования сдать Бухарест без большого сражения, ставя на кон всю оставшуюся армию, и с боями отступать на восток на соединение со спешившими в Яссы русскими корпусами. Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта А.А. Брусилов телеграфировал М.А. Беляеву, что 4-му армейскому корпусу приказано «энергично отстаивать Бухарест в тесной связи с румынскими войсками». Но только к середине декабря будет развернута 4-я армия, и тогда начнется общее наступление. Брусилов просил Беляева заверить румын, что «эта помощь может быть решительной и существенной по

¹⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 420. Л. 312, 314.

¹⁶ Там же. Д. 421. Л. 177.

¹⁷ Там же. Ф. 2126. Оп. 1. Д. 5. Л. 8, 10, 43–44.

своим результатам только при условии их стойкости и оставления ныне занимаемых позиций лишь в крайности, отстаивая упорно каждую пядь земли»¹⁸.

В одиночку одолеть врага румыны не смогли бы. Правительство и король колебались, но новый начальник Генерального штаба К. Презан (до этого – командарм-4), сменивший на данном посту Д. Илиеску, под влиянием французов настоял на решающей битве. Замена была сделана под давлением А. Бертело, желавшего снизить русское влияние, и командование бухарестской группой вместо русофила Илиеску получил франкофил Презан. М.А. Беляев доносил об этом: «Как факт перемены начальника штаба накануне формирования штаба фронта, так и ряд других более мелких распоряжений свидетельствует, с какой напряженностью румыны относятся к усилению здесь нашего влияния и как опасаются они, что влияние это не затронет их национального самолюбия»¹⁹.

Румыны не пожелали прислушиваться к советам русских, отдавая предпочтение французским доктринарам, привыкшим на Западном фронте по нескольку месяцев бороться за какую-либо деревушку и не понимавшим реалий Восточного фронта. Решающим доводом относительно сражения у стен румынской столицы послужило мнение Бертело, фактически ставшего первым советником короля Фердинанда I. В своей телеграмме в Ставку А.А. Татаринов упомянул, что Илиеску предложил Бертело «быть фактическим начальником штаба короля, предложив себя в помощники»²⁰. Это стало последним оперативным приказом румынского командования в кампании 1916 г. После поражения под Бухарестом отступавшие румынские соединения действовали уже совместно с русскими, оставившими за собой оперативные действия. Недаром А. Авереску впоследствии отмечал, что «битва при Бухаресте была инспирирована генералом Бертело, вопреки соображениям румынского штаба»²¹.

Бертело и его штаб разработали внешне стройный план по отражению неприятельского нашествия – попеременный разгром группы Макензена, а затем и группы Фалькенгайна – основной массой румынских войск. Но выполнимым этот проект являлся только на бумаге, так как требовал для своей реализации соответствующих возможностей. Румыны сильно уступали противнику в технических средствах ведения боя и имели для генерального сражения не свежие войска, а растрепанные соединения, потерпевшие за последний месяц несколько тяжелых неудач. 16 ноября румынские армии приступили к выполнению разработанного французами оперативного плана, завязав бои с группой Макензена.

Определенная роль отводилась и русским. Когда румыны намеревались атаковать под Бухарестом, то, по их плану, русские войска должны были обеспечивать правый фланг. Русские не успевали со сосредоточением, что вызывало негодование румын, хотя, согласно телеграмме Беляева от 9 ноября, именно местные власти не подавали эшелоны на станции: «При таком отношении румын к делу перевозок трудно рассчитывать на своевременность прибытия наших войск в район сосредоточения... Как же им помочь, если они не дают нам возможности привезти для этой цели наши войска?»²².

Мало того, Бертело пытался руководить и русскими, требуя немедленной помощи, но забывая о слабых возможностях румынских железных дорог. К примеру, 20 ноября Бертело телеграфировал, что к югу от Бухареста сражение продолжается успешно, но для поддержки северной группы требуется русский 8-й армейский корпус из 9-й армии, о чем говорилось и ранее. Это «могло бы дать возможность избежать катастрофы на севере, которая могла бы скомпрометировать успех, достигнутый к югу от Бухареста».

¹⁸ Там же. Ф. 16346. Оп. 1. Д. 2. Л. 107.

¹⁹ Там же. Д. 8. Л. 31.

²⁰ Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 420. Л. 18–19.

²¹ См.: *Емец В.А.* Противоречия между Россией и союзниками по вопросу о вступлении Румынии в войну (1915–1916 гг.) // Исторические записки. Т. 56. М., 1956. С. 85.

²² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 421. Л. 37.

Помимо пехоты, требуется русский 3-й дивизионный кавалерийский корпус²³. В русской же Ставке справедливо считали, что двигавшийся походным порядком корпус Ф.А. Келлера прибудет в район Рымника к 26 ноября²⁴, а к Бухаресту — и того позднее.

Теоретически эти просьбы были верными, практически — ничтожными, ибо переброска войск безнадежно запаздывала, и выходом могло быть лишь общее отступление за Бухарест навстречу русским. Недаром Беляев, докладывая 9 ноября в Ставку о планах румынского командования нанести контрудар в долине Ольты, уточнял, что Бертело является «фактически начальником штаба, так как без его совета или одобрения не принимается ни одно решение». Представитель русского командования считал, что позиция француза, мыслившего категориями окопной борьбы Французского фронта, авантюрна: «Я уже неоднократно обращал внимание на большое легкомыслие со стороны Бертело и большинства его офицеров и поверхностное отношение к принятой на себя ответственности, но воздерживался от каких-либо советов и указаний в отношении румынских войск, ограничив свою деятельность вопросами, касающимися наших войск или имеющими к ним отношение»²⁵. Однако Бертело сумел выставить свою миссию в выгодном свете, перевалив на русского союзника ответственность за неминуемый и объективно неизбежный провал.

Русское командование прекрасно сознавало важность транспортного фактора. Так, 21 ноября Брусилев телеграфировал Беляеву, что кроме 4-го армейского и 3-го кавалерийского корпусов, а также бригады 8-й кавалерийской дивизии в район Бухареста направляются 2-я пехотная и 15-я пехотная дивизии, 7-й армейский корпус, Уссурийская конная дивизия и еще три кавалерийские дивизии в 9-ю армию. Генерал уточнил, что «быстрота сосредоточения этих войск зависит от румынского правительства, и нужно обеспечить подвоз им продовольствия и огнестрельных припасов»²⁶. Обеспечить своевременного сосредоточения русских соединений румыны не могли: местные железные дороги в ситуации эвакуации столицы не справлялись с подвозом русских войск. Но Бертело возлагал вину за это на русских, что было выгодно и румынскому командованию, почему-то позабывшему, что русские старались оказать помощь в то время как союзная Салоникская армия, чья поддержка была обещана в августе, стояла на месте.

Исход операции под стенами румынской столицы был предопределен. На первом этапе главная румынская группа при поддержке двух русских полков 40-й пехотной дивизии сумела потеснить к Дунаю войска фельдмаршала А. фон Макензена. Но на западном участке общего оборонительного фронта, где наступала 9-я германская армия Э. фон Фалькенгайна, германская конница прорвала слабую оборону и утром немецкие разезды появились в 25 верстах от Бухареста. В бухарестском сражении 20–22 ноября 120-тысячная группировка румын (1-я армия и Дунайская группа) была уничтожена и рассеяна. Полного разгрома удалось избежать лишь при поддержке русских — 30 тыс. румынских солдат и офицеров, при помощи русской 40-й пехотной дивизии А.А. Рейнботта (Резвого) из состава 4-го армейского корпуса, разомкнувшей тиски намечавшегося окружения, сумели уйти на северо-восток.

Общее командование в сражении осуществлял король Фердинанд I, поскольку русские не желали подчиняться румынскому командарму К. Презану, дабы не потерять напрасно свои войска, а Ставка добивалась, чтобы при перемешивании союзных войск на поле боя командовали бы русские генералы. Брэтиану, напротив, считал, что русский 4-й корпус должен подчиниться К. Презану²⁷. Формальное же руководство со стороны

²³ Там же. Д. 422. Л. 27.

²⁴ Там же. Ф. 16346. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

²⁵ Там же. Д. 5. Л. 129.

²⁶ Там же. Д. 2. Л. 103.

²⁷ Там же. Д. 8. Л. 6 об.

короля сглаживало проблему соподчинения союзных подразделений²⁸. В плен к австро-германцам угодило 65 тыс. чел. Трофеями немцев стали 124 орудия и 115 пулеметов. Французы настаивали на контрударе силами уцелевшей 2-й армии А. Авереску, но благоразумие возобладало.

Все расчеты французской миссии в одночасье рухнули. Настоятельные просьбы союзников в русскую Ставку об оказании помощи гибнущей Румынии перешли в требования. 26 ноября Бертело телеграфировал в русскую Ставку французскому представителю при российском Верховном командовании М. Жанену: «Просите, чтобы безотлагательно в распоряжение румынской армии были предоставлены 40 пехотных и 8 кавалерийских дивизий и, кроме того, армейский корпус, составляющий резерв армии генерала Лечицко-го. Настаивайте! Необходимы срочность решения и быстрота выполнения!»²⁹. Это — численность трех армий. Французы, втянувшие Румынию в войну и не оказавшие ей должной помощи ударами под Салониками, как было обещано, теперь запрашивали от русской стороны 21 армейский корпус, не считая кавалерии — «в распоряжение румынской армии».

Ясно, что абсурдность требований была превосходно известна генералу Бертело, однако подобные претензии должны были, вероятно, обелить в глазах румын Францию, прежде всех прочих виновную во втягивании в войну неподготовленной и слабой Румынии. Даже Д. Ллойд-Джордж заметил, что союзники знали о неготовности Румынии к войне во всех отношениях и ее возможностей обороняться разве что против второстепенных сил австрийцев. Перед немецким ударом устоять румыны не могли. Между тем военные специалисты и правительства не подумали о своевременном оказании помощи Румынии, как это произошло и с Сербией в 1915 г.³⁰

24 ноября Верховный главнокомандующий император Николай II повелел сформировать новый, уже 5-й по счету фронт, первоначально называвшийся Южным (предлагался даже термин «Фронт короля»). Днем ранее В.И. Гурко сообщил В.В. Сахарову о новом назначении, предложив приступить к формированию штаба фронта: «Его Величество изволил остановить свой выбор на Вас, как на ответственном помощнике Короля с предоставлением Вам прав Главнокомандующего фронтом по отношению к русским войскам, входящим в состав фронта»³¹. По мысли Гурко, в состав штаба фронта должен был быть включен и штаб румынского короля, т.е. — «соединить оба штаба Дунайской и румынской армий». В ответ Сахаров донес о своих опасениях: если в каждый отдел русской армии войдут румыны, «возникнут чрезвычайные осложнения, тем более что по характеру румыны слишком щепетильны, особенно считая себя здесь переносчиками, что подчеркивается ими хотя бы даже желанием наименования фронта Румынским». Далее он писал: «Между тем, я считаю, что первенствующими должны быть мы, и я именно так и поставлю, считая, что для меня имеет значение только король, коему предоставлено одобрять мои приказы. Все же прочее, как русское, так и румынское, подвластно мне и моим русским помощникам. При иных условиях считаю управление фронтом невозможным»³². В итоге главнокомандующим новым фронтом становился румынский король, но фактическим главнокомандующим являлся бы русский генерал со своим штабом.

Первоначально румыны хотели сохранить специальный румынский штаб, хотя подчиняться все должны были штабу русско-румынской группы армий. Вдобавок Беляев сообщил о недопустимости оставления в штабе французских советников короля — «они

²⁸ Там же. Д. 2. Л. 260–261.

²⁹ Цит. по: *Переловский К.* Роль и значение Русского фронта в войну 1914–1917 гг. по иностранным военным источникам (окончание) // *Военная быль.* 1971. № 112. С. 4.

³⁰ *Ллойд-Джордж Д.* Военные мемуары. Т. I–II. М., 1934. С. 604.

³¹ РГВИА. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 15. Л. 4.

³² ГА РФ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 210. Л. 1–3.

все еще стараются выдвинуть себя на первый план, хотя положение их до некоторой степени уже поколеблено»; их лучшее место — инструкторы румынской армии. Татаринов также считал, что на назначение русского начальника штаба «король и румынская Главная квартира согласятся»³³. Следовательно, дабы не допускать ненужного трения в работе штаба фронта, французы должны были быть выведены из его состава. Занявший должность помощника короля (Помглаворум) как формального главнокомандующего армиями Румынского фронта Сахаров также не желал сотрудничать с Бертело: «Я с ним никаких сношений ни по оперативной, ни по организационной части не имею и воздерживаюсь от таковых, считая, что давать ему право вмешиваться в эти дела не следует». Он — только инструктор румынской армии, «тем более что и по индивидуальным свойствам Бертело надо держать его подале от вмешательства в наше с румынами дело»³⁴.

Остатки румынских войск отправлялись в русский тыл, в Молдавию, где французская миссия Бертело занялась реорганизацией румынской армии. Смирившийся с отстранением от оперативного планирования генерал 29 ноября сообщил начальнику штаба Румынского фронта М.И. Шишкевичу, что французские инструкторы нужны в румынской армии «для обучения и морального воспитания войск, подготовки штабов». «Единственной целью моей деятельности будет передача русскому командованию вполне обученной армии»³⁵, — писал он. К этому времени из 600 тыс. бойцов середины августа в строю осталось лишь около 70 тыс. в рядах 2-й армии А. Авереску. Отвечая на запрос штаба фронта, 14 декабря румыны донесли о составе своей 2-й армии: 1-я дивизия — 327 офицеров и 4060 штыков, 3-я — 233 и 5087, 6-я — 301 и 6275, 7-я — 293 и 8341, 12-я — 213 и 4431, 15-я — 624 и 21 329 штыков + 1335 сабель, 2-я бригада 5-й дивизии — 133 и 6370, 7-я сводная бригада — 133 и 4715, 5-я бригада каларашей — 1036 сабель. Пополнение войск новобранцами и их обучение — вот задачи, стоявшие перед французами зимой.

Здесь энергия генерала Бертело как организатора проявилась в полной мере: к началу 1917 г., по французским данным, румынская армия насчитывала 179 687 штыков и сабель и 82 545 новобранцев³⁶. Помимо реорганизации, французы отвечали и за техническое усиление румынской армии. На Восточном фронте действовали 4 французских авиационных отряда, а в феврале 1917 г. в Россию прибыли еще 2 отряда французских летчиков.

Первоначально предполагалась реорганизация румынской армии на русской территории (такой подход позволял облегчить нагрузки на железнодорожный транспорт и облегчить подвоз продовольствия и фуража для войск фронта), но по мере остановки противника на рубеже реки Серет «румыны начали оттягивать всеми способами принятое ранее решение о выводе румынских войск в пределы России». Это решение — оставить новобранцев на сохранившейся неоккупированной румынской территории — активно поддержал генерал Бертело³⁷. 23 декабря русский посланник в Румынии А.А. Мосолов сообщил директору Дипломатической канцелярии Н.А. Базили о телеграмме Бертело, адресованной Жоффру, касательно эвакуации румынских рекрутов в Россию: предпочтительно «оставить их пока в Румынии. В случае же изменения линии фронта держать их возможно ближе к последнему, находя, что отвод в Россию дурно подействует на их дух и произведет неблагоприятное впечатление на нейтральные державы». Гурко же считал, что румын следует отвести поглубже в русский тыл, так как на всех не хватает продовольствия. Под влиянием Бертело, как телеграфировал Мосолов в Ставку 7 января

³³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 420. Л. 18–19.

³⁴ Там же. Д. 1149. Л. 83.

³⁵ Там же. Л. 57.

³⁶ Французские армии в мировой войне. Т. 8. Восточная кампания. Вып. 2. Издание французского генерального штаба. М., 1940. С. 524.

³⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1149. Л. 76.

1917 г., король «выставляет как причину нежелательности в настоящее время выводить свою армию — опасение беспорядков в войсках и дезертирство при деморализующем впечатлении, которое произведет на войска их уход в Россию». Бертело «убедил в нежелательности этой меры генерала Презана, который в свою очередь убедил короля в опасности этого шага». Мосолов предлагал воздействовать на Бертело³⁸, румыны же стали отказывать русским в закупках продфуража на румынской территории и требовали подвоза, считаясь вагонами.

Такой позиции генерал Бертело придерживался и позднее. Так, 11 февраля 1917 г. у румынского министра иностранных дел состоялся обмен мнениями по вопросу о продовольственном положении в Румынии с участием английского, французского и итальянского послов, Бертело и Мосолова. Британский посол Дж. Бьюкенен огласил докладную записку главы британской военной миссии в Румынии полковника Н. Гриффитса о сложившейся тяжелейшей ситуации: солдаты, оставленные на железнодорожных линиях, умирают в вагонах от голода, санитарные поезда брошены на произвол судьбы, раненые гибнут без пищи и от заражения крови, тиф господствует повсеместно³⁹. Перед перспективой голода Бьюкенен предложил удалить лишние рты из войскового района — т.е. приступить к эвакуации населения Румынии. Мосолов отвечал, что русские уже давно предложили отправить в Россию 300 тыс. румынских рекрутов и раненых, но ничего не делается, так как «со времени остановки германского продвижения на Румынском фронте румыны не хотят оставлять своей страны». Бертело справедливо заметил, что эвакуация без железных дорог невозможна, так как «румынские солдаты и рекруты не имеют ни одежды, ни сапог. При таких условиях они не могут быть двинуты из пределов Румынии походом порядком»; вдобавок $\frac{1}{4}$ личного состава — больные. Советские приняли решение настаивать перед румынским правительством на эвакуации 300 тыс. человек в глубь Российской империи, однако в середине февраля король Фердинанд I окончательно отказался от этой идеи, «опасаясь народного негодования и деморализации армии»⁴⁰.

Реорганизация румынской армии, начавшаяся 5 января 1917 г., происходила в тылу русской 9-й армии П.А. Лечицкого — одновременно формировалось 9 пехотных дивизий, не считая находившейся на фронте 2-й румынской армии. На первых порах у французской миссии, состоявшей из 232 офицеров-инструкторов, работавших в каждом дивизионном штабе и полку, не все получалось, так как румынские военнослужащие были деморализованы поражениями и не были обеспечены материально. Телеграмма генерал-квартирмейстера А.С. Лукомского Жанену от 9 января 1917 г. подчеркивала недостатки подготовки: «По полученным мною сведениям, вопрос о восстановлении румынской армии поставлен более чем скверно. Офицерский состав — полные невежды в обучении войск, дисциплинированы только наружно, военного дела не знают, изнежены, очень далеки от нижних чинов, на занятиях почти не бывают. Обучение нижних чинов самое поверхностное. Обучение самоокапыванию только показное, трассируя окопы; шанцевого инструмента нет; люди саперному делу фактически не обучаются. Уколы винтовкой производятся без чуел, по воздуху. Строевые учения производятся без винтовок. Дисциплины строя нет вовсе». Сахаров считал, что перемешивание русских и румынских частей дает румынам устойчивость в бою, «но разница в вооружении, снабжении и языке не позволит слишком дробить румынские части и можно признать возможным лишь придачу их дивизий третьими дивизиями к нашим корпусам. При этом пришлось бы столкнуться с чрезвычайно болезненным самолюбием румын, боящихся за свои суверенные права». Кроме того, тогда пришлось бы упразднить часть высших постов корпусов и армий, на что не пойдет король⁴¹.

³⁸ Там же. Д. 521. Л. 122, 125, 174.

³⁹ Там же. Ф. 16346. Оп. 1. Д. 3. Л. 12.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 232. Л. 1–3.

⁴¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1149. Л. 85, 108.

Возможно, русские намеренно преувеличивали недостатки реорганизации, не будучи заинтересованными в успехе французов, — тем более что можно было сделать за несколько дней? Постепенно дело наладилось, и русские отчеты изменили свой тон. В докладе начальника русской артиллерийской миссии при румынской армии А.Н. Виноградского от 21 марта 1917 г. о ходе реорганизации румынской артиллерии особо отмечено, что «благодаря энергичной работе русских и французских инструкторов обучение идет успешно. Задержки вызываются лишь крайне неудовлетворительным санитарным состоянием и громадным падением лошадей и ослаблением остальных». На каждую румынскую пехотную дивизию приходится 36 75-мм орудий, итого на 15 дивизий — 540 орудий. Налицо — чуть более 400, а из высланных Францией орудий формируется армейская артиллерия — 48 120-мм гаубиц (не получены) и 72 120-мм пушки (24 из них уже в Кременчуге), причем «Англия обещает к середине лета 150-мм гаубицы, но вопрос этот еще не решен». Эти гаубицы и старые румынские 87-мм пушки составят вторые тяжелые полки в пехотных соединениях — «*Artilleriededemolition*». Румынская армия сможет принять участие в общем наступлении, будучи готовой к 15 мая «при условии, однако, чтобы посылаемая материальная часть и боевые припасы, действительно, были бы своевременно доставлены Румынии и не задерживались бы на наших железных дорогах». Дабы усилить работу французской миссии, Виноградский предлагал послать в румынские армии по артиллерийскому генералу на армию и по артиллерийскому штаб-офицеру на корпус⁴².

Труд французской миссии увенчался полным успехом: после реорганизации вооруженных сил, летом 1917 г. румынские войска превосходно показали себя в сражении под Мэрэшешти, где русские и румыны отбросили противника, нанеся ему такие же потери, что понесли и сами. Итоги Мэрэшештской наступательной операции подтверждают мнение о предвоенной нехватке опыта в среде румынского офицерского корпуса и необходимости его предварительного обучения. Последний начальник штаба Румынского фронта А.В. Геруа, оценивая Мэрэшештское сражение, отмечал: «Румынский солдат показал, что, будучи обучен, вооружен, снабжен всем необходимым и под хорошим руководством, он является отличным боевым элементом»⁴³.

Последствия Февральской революции негативно отразились на русско-румынских отношениях. После провала июньского наступления, показавшего, с одной стороны, степень развала русских вооруженных сил и, с другой — качество усилий, предпринятых румынским военно-политическим руководством по усилению румынских войск, неравносная чаша весов в сотрудничестве между Россией и Румынией стала склоняться в пользу румын. Причем румынское командование должно было учитывать возможное крушение русской действующей армии, развал Восточного фронта и вероятное отступление русских в глубь страны (если не выход из войны), что угрожало оставить румын один на один с армиями Центральных держав.

Образно и ярко перемену румынской стороны выразил рапорт 17 июля графа Н.В. Остен-Сакена, прикомандированного к 1-й румынской армии для связи со штабом 6-й русской армии. Полковник Остен-Сакен сообщал: «Со дня катастрофы нашей 11-й армии, а вследствие этого и приостановки наступления 1-й румынской армии, отношение румын и в особенности французов к русской армии стало настолько презрительным и даже враждебным, что положение русских офицеров при штабе крайне тяжелое. Приходится слышать недвусмысленные замечания относительно полной небоеспособности наших армий, из-за которых ныне Румынию можно считать погибшей». О румынских офицерах граф писал: «На каждом шагу чувствуется их полное негодование и злоба против нас за сорванное наступление, которое, по их словам, могло бы окончиться так удачно вследствие столь действительной артиллерийской подготовки к нему». По мысли

⁴² Там же. Ф. 2093. Оп. 1. Д. 17. Л. 11–12.

⁴³ Цит. по: *Валь Э.Г.* К истории Белого движения. Таллинн, 1935. С. 17.

румун, если русские армии уйдут из Румынии, то — «не лучше ли будет отдаться в руки немцам, а в крайнем случае и действовать совместно с ними, и возратить себе таким путем Бессарабию»⁴⁴.

Как считал сын нового Помглавкорума Д.Г. Щербачева — А.Д. Щербачев, французы доказали качества румынской силы, «подтянув в один год всю румынскую армию и подняв ее на такую высоту, что солдаты сражались как львы, благодаря дисциплине, а офицеры умно распоряжались». Интересно, что Щербачев-мл. считал, что при Сахарове Бертело «заправлял всем фронтом, как хотел»: «При Сахарове не было сопротивления, не было моральной силы, которая защитила бы открыто русские интересы и вместе с тем шла к определенной цели, и открыто проводила бы свои желания», а Д.Г. Щербачев поставил его на место⁴⁵.

Такое «подтягивание» с далеко идущими политическими целями французы были бы не прочь провести и с Россией. Летом 1917 г. они пожелали получить «задачу восстановления и реорганизации русской армии» — как следует из документа «Записка о военных усилиях Франции в России» — т.е. установить французский контроль над русской армией по типу миссии А.-М. Бертело с румынами⁴⁶.

В период выхода России из войны после октябрьского переворота, генерал Бертело, опираясь на румын, прилагал все усилия, чтобы сохранить в борьбе Восточный фронт: интриги в румынских штабах, украинская миссия Ж. Табуи, перевооружение румынской армии за счет военного имущества русских армий Румынского фронта. Наконец, после Брестского мира миссия Бертело вместе с 300 бельгийцами, работавшими в Донецком бассейне, отплыла в Великобританию с Мурманского полуострова в конце апреля 1918 г.⁴⁷, где Бертело вскоре принял командование 5-й армией. В Румынию француз прибыл вновь после окончания Первой мировой войны.

Таким образом, взаимоотношения между русскими и французами на Румынском фронте прошли несколько этапов в своем развитии. Первоначально осенью 1916 г. французская миссия имела решающее влияние на ведение военных операций румынской армии, при этом предпринимая попытки поставить под свой контроль и русские войска в Румынии. После сражения за Бухарест и падения столицы французы под нажимом русского генералитета сосредоточились исключительно на реорганизации румынских войск и подготовке новобранцев. Февральская революция привела к резкому падению боеспособности русской армии, что позволило генералу Бертело и его сотрудникам получить определяющее влияние на румынское командование и вновь претендовать на общее руководство всем Румынским фронтом.

Библиография

Валь Э.Г. К истории Белого движения. Таллинн, 1935.

Перепеловский К. Роль и значение Русского фронта в войну 1914–1917 гг. по иностранным военным источникам (окончание) // Военная быль. 1971. № 112. С. 3–9.

Емец В.А. Противоречия между Россией и союзниками по вопросу о вступлении Румынии в войну (1915–1916 гг.) // Исторические записки. Т. 56. М., 1956. С. 52–90.

Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб., 2002.

Каширин В.Б. Поход в Добруджанскую степь: эволюция замысла, планирование и подготовка экспедиции русских войск за Дунай в 1916 году // Studia Balkanica. К юбилею Р.П. Гришиной: сб. статей. М., 2010. С. 139–185.

Козлов Д.Ю. Флот в румынской кампании 1916–1917 годов. СПб., 2003.

⁴⁴ РГВИА. Ф. 2126. Оп. 1. Д. 60. Л. 548.

⁴⁵ ГА РФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 577. Л. 2, 8 об., 10.

⁴⁶ Магадеев И.Э. Восточный фронт в 1917 году и перспективы российской армии в оценках французских военных экспертов // Новая и новейшая история. 2017. № 6. С. 41.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 410. Л. 7.

Ллойд-Джордж Д. Военные мемуары. Т. I—II. М., 1934.

Магадеев И.Э. Восточный фронт в 1917 году и перспективы российской армии в оценках французских военных экспертов // Новая и новейшая история. 2017. № 6. С. 29–46.

Павлов А.Ю. Скванные одной целью: Стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны (1914–1917). СПб., 2008.

Французские армии в мировой войне. Т. 8. Восточная кампания. Вып. 2. Издание французского генерального штаба. М., 1940.

Torrey G.E. Indifference and Mistrust: Russian-Romanian Collaboration in the Campaign of 1916 // The Journal of Military History. 1993. Vol. 57. № 2. P. 279–300.

References

Val' E.G. K istorii Belogo dvizheniya [Towards the History of the White Movement]. Tallinn, 1935. (In Russ.)

Perpelovskii K. Rol' i znachenie Russkogo fronta v voynu 1914–1917 gg. po inostrannym voennym istochnikam (okonchanie) [The role and significance of the Russian Front in the War of 1914–1917 according to foreign military sources (end)] // Voennaya byl' [Military history]. 1971. № 112. S. 3–9. (In Russ.)

Emec V.A. Protivorechiya mezhdu Rossiej i soyznikami po voprosu o vstupenii Rumynii v voynu (1915–1916gg.) [Controversy between Russia and the Allies over Romania's entry into the war (1915–1916)] // Istoricheskie zapiski [Historical notes]. T. 56. Moskva, 1956. S. 52–90. (In Russ.)

Zajonchkovskij A.M. Pervaya mirovaya vojna [First World War]. Sankt-Peterburg, 2002. (In Russ.)

Kashirin V.B. Pohod v Dobrudzhanskuyu step': evolyuciya zamysla, planirovanie i podgotovka ekspedicii russkih vojsk za Dunaj v 1916 godu [The march to the Dobroudjan steppe: evolution of the idea, planning and preparation of the expedition of Russian troops across the Danube in 1916] // Studia Balkanica. K yubileyu R.P. Grishinoj: sbornik statej [Studia Balkanica. To the anniversary of R.P. Grishina: collection of articles]. Moskva, 2010. S. 139–185. (In Russ.)

Kozlov D.Yu. Flot v rumynskoj kampanii 1916–1917 godov [Navy in the Romanian campaign of 1916–1917]. Sankt-Peterburg, 2003. (In Russ.)

Lloyd-Dzhordzh D. Voennye memuary [Military Memoirs]. Т. I—II. Moskva, 1934. (In Russ.)

Magadeev I.E. Vostochnyj front v 1917 godu i perspektivy rossijskoj armii v ocenках francuzskih voennyh ekspertov [The Eastern Front in 1917 and the prospects of the Russian army in the assessments of French military experts] // Novaya i novejschaya istoriya [New and Contemporary History]. 2017. № 6. S. 29–46. (In Russ.)

Pavlov A.Yu. Skovannye odnoj cel'yu: Strategicheskoe vzaimodejstvie Rossii i ee soyznikov v gody Pervoj mirovoj vojny (1914–1917) [Bound by one purpose: strategic interaction between Russia and its allies during World War I (1914–1917)]. Sankt-Peterburg, 2008. (In Russ.)

Francuzskie armii v mirovoj vojne. Т. 8. Vostochnaya kampaniya. Vyp. 2. Izdanie francuzskogo general'nogo shtaba [French Armies in the World War. Vol. 8. Eastern Campaign. Iss. 2. Publication of the French General staff]. Moskva, 1940. (In Russ.)

Torrey G.E. Indifference and Mistrust: Russian-Romanian Collaboration in the Campaign of 1916 // The Journal of Military History. 1993. Vol. 57. № 2. P. 279–300.